

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семья и домашние Николаи Голатти:

Николаи Голатти — ломбардец, меняла и кредитор.

Алейдис Голатти — супруга Николаи, дочь Йорга де Брюнкера.

Андреа Голатти — брат Николаи, торговец скобяными изделиями.

Гризельда Голатти — покойная супруга Николаи, мать Катрейн.

Арнольд Хюрт — брат Гризельды, дядя Катрейн.

Катрейн де Пьяченца — дочь Николаи и Гризельды, вдова Якоба, мать Марлейн и Урзель, бегинка¹.

Якоб де Пьяченца — покойный отец Марлейн и Урзель, меняла из Бонна.

Марлейн — дочь Катрейн и Якоба, старшая сестра Урзель.

Урзель — дочь Катрейн и Якоба, младшая сестра Марлен.

Роберт де Пьяченца — кузен Якоба из Бонна, покойного мужа Катрейн.

¹ Бегинки — религиозное движение, возникшее в средневековой Европе в XII в. Женщины-бегинки вели образ жизни, близкий к монашескому. Бегинки проживали в бегинажах (домах бегинок). — *Здесь и далее — прим. перев.*

Йорг де Брюнкер — отец Алейдис, торговец тканями.

Криста де Брюнкер — супруга Йорга.

Эльз — кухарка в доме Николаи.

Лютц, Вардо, Зимон — слуги.

Герлин, Ирмель — служанки.

Зигберт Хюссель, Тоннес ван Кнейярт — подмастерья.

Должностные лица города Кельна:

Винценц ван Клеве — один из трех полномочных судей² Кельна, брат Альбы, сын Грегора ван Клеве, меняла и кредитор.

Кристан Резе — один из трех полномочных судей Кельна.

Георг Хардефуст — один из трех полномочных судей Кельна.

Эвальд фон Одендорп — адвокат и нотариус.

Иоганн Хюссель — шеффен³, отец Зигберта.

Рихвин ван Кнейярт — шеффен, отец Тоннеса.

Прочие действующие лица:

Грегор ван Клеве — отец Винценца ван Клеве и Альбы, меняла и кредитор.

Альба — старшая сестра Винценца ван Клеве, вдова.

Аннелин — покойная супруга Винценца ван Клеве.

² Полномочный судья — чиновник в средневековом Кельне с широкими полномочиями, отвечавший за розыск и осуждение уголовных преступников.

³ Шеффены — в средневековой Германии члены судебной коллегии.

Матис Гревероде — сын члена Совета и капитана городской гвардии Тильмана Гревероде и его жены Миры.

Хардвин Штакенберг — торговец вином, сосед Алейдис Голатти.

Сигурт Вайдбрехер — купец.

Хиннрих Лейневебер — ткач.

Мастер Клайвс — архитектор, строитель собора в Кельне (его прототипом является реально существовавшее лицо — Николаус ван Бюрен (1380–1445)).

Клевин — слуга в доме Винценца ван Клеве

Аильф, Людгер — стражники в доме Винценца ван Клеве.

Матс Кройхер — городской страж.

Мастер Фредебольд — кузнец-оружейник.

Мастер Шуллейн — сапожник.

Йоната Хирцелин — старшая бегинка в бегинаже на Глокенгассе.

Отец Экариус — бенедектинец, священник в приходе Святой Колумбы, брат Йонаты.

Меттель — бегинка.

Эльзбет — хозяйка борделя «У прекрасной дамы» на Швальбенгассе в квартале Берлих.

Гизель — публичная женщина в борделе «У прекрасной дамы».

Трин, Энне — бывшие проститутки, ныне служанки в борделе «У прекрасной дамы».

Геро — сын Энне, слуга в борделе «У прекрасной дамы».

Адельгейд Лангхольм — дочь странствующего торговца горшками и сковородками.

Бальтазар — брат Вардо, слуги в доме Голатти.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА _____

Ленц — уличный мальчишка, младший брат Герлин, служанки в доме Голатти.

Биргель — портовый работник, старший брат Кленца.

Кленц — портовый работник, младший брат Биргеля.

Йупп — банщик.

КЕЛЬН, 16 АВГУСТА 1423 ГОДА
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ГЛАВА 1

Ни выгребная яма, ни навозная куча сегодня больше не смущали обоняние своим зловонием. Старший слуга Лютц вчера погрузил навоз в большую телегу и отвез его к брату, который выращивал овощи на продажу. А выгребную яму двумя ночами ранее вычистили золотари. Солнце вот-вот должно было взойти над крышами и шпилями города, обещая еще один теплый летний день, а вокруг уже на все голоса щебетали утренние птицы. Почти неделю стояла сушь, и вот снова пошли дожди — к вящей радости трав и овощей, произраставших в огороде.

Алейдис любила лето. Она все еще стояла у черного хода, ведущего на кухню, глубоко вдыхая свежий, пряный утренний воздух, наслаждаясь легким ветерком, шелестящим в листьях каштанов, что росли на границе квадратного двора. Один взгляд на кроны этих могучих древних деревьев вызвал у нее улыбку. Урожай каштанов нынче будет богатым — это видно невооруженным глазом. Ей нравился вкус этих сладких плодов, покрытых кожурой

с колючками. И хотя кухарка Эльз утверждала, что от каштанов могут случиться несварение желудка, метеоризм и диарея, а значит, не стоит употреблять их в пищу, Алейдис все эти напасти обходили стороной. Кроме того, каштаны экономили им кучу денег зимой. Поэтому она запасала их всеми возможными способами — варила, коптила, жарила. Да и как иначе, ведь на ней лежала ответственность за большую семью, и ей не хотелось обременять лишними расходами семейную казну, которая не оскудевала благодаря ее мужу. Николаи Голатти всегда подчеркивал, как он гордится своей рачительной и бережливой хозяйшкой, и ей была приятна его похвала. Нужды в деньгах они не испытывали. Николаи был одним из самых известных и богатых менял в Кельне. Огромный двор и роскошный интерьер добротного двухэтажного дома лучше всяких слов свидетельствовали о достатке, который глава семьи способен был обеспечить домочадцам. Однако Алейдис считала, что это не дает повода швыряться деньгами направо и налево. С детства привыкшая к скромности и умеренности, она гордилась тем, что кладовка у нее забита всяческой снедью и каждый день их стол ломится от вкусных блюд, которые она приготовила сама.

Незадолго до девятнадцатилетия она приняла на себя заботу о доме своего отца, торговца тканями Йорга де Брюнкера. Эта обязанность досталась ей как единственной дочери в наследство от матери,

почившей пять лет назад. Отец всецело жил в мире тканей, шерсти и сукна. Он разъезжал по ярмаркам и постоянно устраивал дома пирушки, на которые приглашал других купцов. Кто-то должен был обо всем позаботиться, и Алейдис взялась за это с большой охотой. Ее переполняла радость от того, что во вверенном ей хозяйстве дела идут по заведенному распорядку. Но больше всего ей нравилось вести бухгалтерию. Эту работу все чаще доверял ей отец, после того как преподавал некоторые азы. В прошлом бухгалтерией занималась мать. К счастью, Алейдис унаследовала от нее разборчивый почерк и умение быстро вникать в дела. Будь на то воля Алейдис, она прожила бы так всю жизнь, наслаждаясь ее неспешным и размеренным течением. Но в один прекрасный день Йорг пришел к дочери и сообщил, что хочет снова жениться. Криста, вдова скорняка, была его юношеской любовью. В свое время он просил ее руки, но ему отказали, так как тогда он был беден как церковная мышь. Однако теперь она была свободна и готова выйти за него замуж. У нее было трое детей — две дочери, уже совсем взрослые, всего на пару лет младше Алейдис, и двенадцатилетний сын.

Алейдис порадовалась за отца и не только приняла новую родню с широко раскрытыми объятиями, но и восприняла как нечто само собой разумеющееся, что обязанностей по дому у нее прибавилось. Но она не учла, что две хозяйки редко способны

ужиться на одной кухне. Особенно если обе обладают взрывным темпераментом. Ссоры и скандалы стали частью повседневной рутины. В конце концов все это стало Йоргу в такую тягость, что он решил — ради общего блага, как он сказал, — что пора уже Алейдис обзавестись собственным домом. Вероятно, он уже имел какие-то соображения на этот счет, потому что подходящий жених сыскался довольно быстро. Сначала Алейдис отнеслась к выбору со скепсисом. Избранник был старым другом отца, и слово «старый» тут нужно понимать буквально.

За несколько месяцев до назначенной даты свадьбы ему стукнуло пятьдесят шесть лет, так что двадцатилетняя Алейдис была более чем вдвое моложе его. Девушка не стала противиться замужеству, потому что оценила добрый нрав Николаи и к тому же заметила, что по-настоящему нравится ему. Вскоре после бракосочетания он доверил ей часть своих бухгалтерских книг и попросил ее привести их в порядок и впредь держать при себе. Чуть позже он признался, что, сватаясь к ней, клял себя за то, что берет в дом такую молодую и красивую женщину. Женщину, которая даже на шесть лет моложе его собственной дочери и в которой он души не чаял. Он боялся, что своей красотой и статью Алейдис будет возбуждать черную зависть у всех холостяков Кельна. Ему действительно приходилось время от времени терпеть насмешки и издевательства. Само собой, многие задавались вопросом, хватит ли

ему мужской силы, чтобы справиться с юной и свежей Алейдис. Признаться, он и сам задавал себе этот вопрос, поскольку уже давно страдал от растущей нехватки мужской выносливости, как он это в шутку назвал. Но, как выяснилось потом, это во все не помешало ему исполнить супружеский долг в их первую брачную ночь.

С легкой улыбкой Алейдис присела на каменную скамью на краю сада и вспомнила то первое соитие. Ей было немного страшно, но, как выяснилось потом, для страха не было причины. Николаи подошел к этому вопросу с умом и тактом, попытавшись сделать все наиболее приятным для нее образом. И пусть он не обладал выносливостью юнца, Алейдис могла считать себя счастливицей. Наверняка есть женщины, которым повезло меньше.

В ответ на доброту и ласку Алейдис хотела бы подарить мужу сына, рождения которого он желал больше всего на свете. Собственно говоря, это была еще одна причина, по которой он решил жениться во второй раз. Первая жена умерла от лихорадки шесть или семь лет назад, родив ему лишь одну дочь. Она беременела еще не единожды, но всех детей либо до, либо сразу же после рождения Господь призвал в царствие небесное. В какой-то момент супруги сдались. Алейдис подозревала, что причина того, что у Николаи пропало желание, заключалась не в нем самом, а в том, что Гризельда, его покойная супруга, была на несколько лет старше его

и ее трудно было назвать привлекательной. Как еще можно было объяснить то, что, как только у него появилась молодая и хорошенькая женушка, жизненные силы вдруг вернулись к нему, пусть и не в полной мере. В свое время он женился на Гризельде из-за ее огромного приданого и из-за связей ее семьи с влиятельными домами не только в Кельне, но и в окрестных городах. Эти связи до сих пор помогали ему преуспевать в делах. Но теперь, когда Николаи обзавелся новой женой, он надеялся, что долгожданный наследник наконец появится. Алейдис была бы счастлива доставить ему эту радость, но пока все их старания оказывались тщетными.

Прошлой ночью Николаи снова возлег с ней. И теперь, скользя задумчивым взглядом по грядкам с репой, горохом и луком, которые освещали первые лучи солнца, Алейдис решала, какому святому ей помолиться о рождении ребенка, чтобы тот слегка подтолкнул счастье в их сторону. Она не могла выбрать между Марией Магдалиной, святой Люсией и святой Маргаритой. Как раз в тот момент, когда она прикидывала, не будет ли самым разумным воззвать сразу ко всем трем, у нее за спиной раздалися шаги по каменным плитам, которыми был вымощен двор. Мгновение спустя она почувствовала на плечах теплые руки.

— Ну вот, куколка моя, я хоть раз застал тебя бьющей баклуши, да?